

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ СТРУКТУР ЗНАНИЯ

В современной лингвистике большое внимание уделяется вопросам соотношения языка и сознания, поиска корреляций между когнитивными и языковыми структурами, концептуализации и категоризации мира и их реализации в языке. Язык рассматривается как средство доступа к разуму человека, к ментальным процессам, осуществляющимся в человеческом мозгу, как наиболее доступный источник для наблюдения организации концептуальной системы человека [1, с. 15]. Таким образом, в центр исследований помещается человек как «концептуализатор» и «категоризатор» мира, как языковая личность.

Новый ракурс исследования получает и словообразование. Производное слово рассматривается как отражение тех связей, которые человек обнаруживает между явлениями окружающего мира. Выделяя и называя отдельный фрагмент действительности, производное слово в то же время указывает на его связь с другим предметом, с действием или признаком. Существенным при этом оказывается представление о производном слове как о понятии, формирующемся на основе суждения. Формальная расчлененность словообразовательной структуры слова соответствует содержательной расчлененности представления об обозначаемом явлении. Производные слова, таким образом, оказываются отражением объединения концептов, рефлексамии пропозициональных структур, языковым выражением пропозиции в одном слове, то есть объективацией структур мышления. Формальным средством выявления пропозиции производного слова является сопоставление слова с мотивирующим суждением. Соположение производного слова и синтаксической структуры для объективации пропозиции позволяет обратиться к теории падежной грамматики, использовать понятие семантических ролей (глубинных падежей) и, следовательно, рассматривать производное слово как падежный комплекс. Падежные значения рассматриваются при этом как фиксация неких наблюдаемых отношений, как концепты, отражающие описание положения вещей в мире, результат познания и категоризации мира человеком и создание картины мира в сознании человека [2].

Одна из специфических черт производного слова в том, что оно обладает свойством двойной референции – способностью отсылать и к действительности, и к языку. С когнитивной точки зрения такое его свойство рассматривается как «способность человека охарактеризовать новое знание через уже имеющееся, комбинировать готовые и отработанные структуры знания в целях выражения нового» [3, с. 407].

Очевидно, что производные слова, образованные по одной модели, демонстрируют некие общие концептуальные составляющие. С точки зрения когнитивной парадигмы знаний, словообразовательные модели указывают на использование предыдущего опыта человека, на основании которого сходные концептуальные структуры воплощаются в одинаковых языковых формах и рассматриваются как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры.

Хотя эти идеи возникают еще в 1980-е годы, специальные работы по анализу производных слов и словообразовательных моделей конкретных языков с таких позиций только начинают появляться в последнее де-

* © Е.А. Макарова, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2006.

сятилетие [1; 4; 5; 6]. Материал древних языков до сих пор остается за рамками ономазиологических и когнитивных исследований. Вместе с тем было бы интересно применить методы исследования, разработанные и опробованные на современных данных, к материалу, являющемуся, пожалуй, единственным способом «заглянуть» в сознание и «понаблюдать» организацию концептуальной системы человека предшествующих эпох. Интересно, кроме того, было бы сопоставить данные анализа современного и древнего состояния языка. Представлению некоторых результатов такого исследования на материале производных конкретных существительных древнеанглийского языка и посвящена данная статья.

Обратимся сначала к результатам, описывающим структуры знания, зафиксированные в словообразовательных моделях и производных словах.

1. Структуры знаний, отраженные в словообразовательных моделях и производных словах древнеанглийского языка, в большинстве случаев могут быть представлены в виде двучленных и трехчленных пропозициональных структур. Структура рассматривается как трехчленная в тех случаях, когда производное слово фиксирует установленную языковой личностью связь двух элементов предметной понятийной области. Так, например, для производных типа *scōhere*¹ «тот, кто делает башмаки» (от *scōh* «башмак») и *drēamere* «тот, кто играет на музыкальном инструменте» (от *drēām* «музыкальный инструмент») модель N1+-(er)(e)→N2 фиксирует трехчленные структуры AG–MAKE–RES и AG–USE–INSTR². В данном случае устанавливается связь между человеком и неодушевленным предметом (результатом либо инструментом действия).

В тех случаях, когда устанавливается связь между предметом и его процессуальным или непроцессуальным признаком, структура является двучленной. Так, модель V+-(er)(e)→N отражает структуру AG–PRED, например: *hlēāpere* «тот, кто бегает, прыгает, танцует; бегун, курьер, танцовщик» (от *hlēāpan* «бегать, прыгать, подпрыгивать, танцевать»), *swellere* «тот, кто убивает; убийца, палач» (от *swellan* «убивать»). Отадъективная модель A+-(ing/-)ling→N фиксирует названия лица по характеризующему непроцессуальному признаку и отражает двучленную структуру с предикатом свойства DSCR–PRED_{св.}, например: *bristling* «смелый человек; смельчак» (от *brist(e)* «смелый»), *īdeling* «безделушка, пустяк» (от *īdel* «бесполезный»). Модель N1+-(in)cel→N2 также фиксирует характеристику предмета по непроцессуальному признаку, однако, в отличие от предыдущей модели, здесь конкретизируется характеризующий признак DSCR–BE SMALL, например: *hūsincel* «маленький дом, домик» (от *hūs* «дом»), *wilincel* «молодой раб» (от *wilh* «раб»).

2. Как показало исследование, в древнеанглийском языке существовали две не отмечавшиеся в работах предшественников префиксально-конверсионные словообразовательные модели: ge-+V+конверсия→N2 (например: *gedrinca* «гость; тот, кто пьет с другими» от *drincan* «пить»), *gefara* «спутник, товарищ; тот, кто путешествует вместе (с кем-то)» от *faran* «путешествовать, идти») и ge-+N1+конверсия→N2 (например: *gebedda* «тот, кто разделяет постель (с кем-то); супруга» от *bedd* «постель»), *gedryhta* «товарищ, соратник» от *dryht* «войско»), *geselda* «товарищ; тот, кто разделяет жилище» от *seld* «жилище, дом, зал»). Отметим, что ранее производные этого типа полностью игнорировались, либо рассматривались как префиксальные, либо объяснялись как слова, образованные при помощи префикса и основообразующего суффикса. При причислении рассматриваемых слов к префиксальному производным не учитывается изменение парадигмы. Объяснение же их как префиксально-суффиксальных образований неприемлемо в связи с отсутствием у основообразующих суффиксов словообразовательной функции, что было убедительно показано, например, Е.С. Кубряковой [7]. Кроме того, как известно, характерная для индоевропейского слова трехчастная структура – корень, основообразующий суффикс и грамматическое окончание – в германских языках упрощается; уже в готском двуморфемная структура основы подвергается разрушению. В древнеанглийском языке следов трехчастной структуры слова практически не сохранилось: «основообразующий суффикс исчез (в основах на гласные), или слился с падежной флексией (основы на *-n-*, *-es-*), или слился с корнем (основы на *-r-*)» [8, с. 100]. Таким образом, говорить о словообразовательной роли основообразующего элемента в данном случае нельзя. Именно поэтому производные типа *gedrinca*, *gedryhta* рассматриваются как образованные префиксально-конверсионным способом.

Эти модели отражали сложные пропозициональные структуры, в которых место одного из аргументов занимает пропозиция. Так, первая модель фиксирует структуру [AG–PRED]–BE WITH–DSC, например: *gefara* «спутник, тот, кто путешествует вместе (с кем-то)». Отсубстантивная модель фиксирует характеристику человека по совместному нахождению в некотором месте [AG–PRED–LOC]–BE WITH–DSC (*geselda* «товарищ; тот, кто разделяет жилище»), по совместной принадлежности к социальной группе [DSCR–PRED–INC]–BE WITH–DSC (*gedryhta* «соратник») или по совместной связи с предметом, например, [AG–PRED–INSTR]–BE WITH–DSC (*gerēpra* «гребец, моряк» от *rōper* «весло»).

3. Словообразовательная модель не всегда отражает полную структуру знаний, стоящую за производным словом. Невыраженные элементы восстанавливаются исходя из семантики мотивирующей основы или знания о реальном мире. Так, например, знания о действии *byrdan* «вышивать – украшать (ткань) вышивкой (при помощи иголки и нитки)», наследуемые производным *byrdestre* «вышивальщица», включают знания об объекте (ткань), инструменте (игла), средстве (нитки), результате действия (узор вышивки). Однако эти элементы знания не находят экспликации в словообразовательной модели V+-(est)(e)→N, отражающей только предикат и один актанта (агенса).

То же демонстрируют префиксальные модели, характеризующие лицо по его пространственному или временному отношению к некоторому другому лицу, например: *aftercuning* «правитель-преемник» (от *cuning* «правитель»), *wiperfēoh̄tend* «тот, кто сражается против; противник» (от *fēoh̄tend* «тот, кто сражается; воин»). То лицо, относительно которого описывается называемый производным словом человек, подразумевается, но не находит выражения в структуре слова. Пропозиция, таким образом, имеет вид DSCR–PRED_{отн.}, тип отношений конкретизируется в каждом случае семантикой конкретного префикса.

Фиксация только части знания в производном слове отражается и в наименованиях неодушевленных предметов по связанному с ними действию. Представление о ситуации действия естественно предполагает существование некоего источника этого действия, в первую очередь человека. Однако в производных наименованиях неодушевленных предметов источник действия остается «за кадром». Словообразовательная модель, ограничиваясь приписыванием предмету процессуального признака, «высвечивает» лишь тот «участок» действия, который включает предмет, например: RES–PRED_{действ.} (*windung* «плетень» от *windan* «плести, сплетать»), INSTR–PRED_{действ.} (*berscel* «цеп, приспособление для молотыбы зерна» от *berscan* «молотить») и т.д.

4. Общая картина структур знания о людях характеризуется ясностью и, в большинстве случаев, однозначностью сопоставления словообразовательных моделей структурам знания. Общая картина структур знания о предметах неодушевленных, напротив, характеризуется нечеткостью и смазанностью, отсутствием точного сопоставления словообразовательных моделей структурам знания. Например, по одной и той же модели V+(e)I→N могут образовываться наименования инструмента, результата, средства, объекта действия. К тому же, общая картина затемняется существованием слов, обладающих такой же словообразовательной структурой, как учитываемые слова, но не входящих в модели, например: одно название инструмента по модели V+en→N (*hlæden* «ковш» от *hladan* «черпать»), единственный пример названия объекта действия по модели V+ung→N (*scotung* «стрела, дротик» от *scotian* «стрелять») и т.д. Это наталкивает на мысль о том, что в большинстве случаев важно было лишь обозначить неодушевленный предмет; остальное определялось знаниями о его использовании человеком. Наиболее отчетливое выражение получают результаты (преобладающие модели V(Part II)→N и V+d/-t/-þ→N) и инструмент действия (V+(e)I→N), что, очевидно, связано с особенностями осмысления реального мира языковой личностью.

5. Для носителя древнеанглийского языка было свойственно различать АГЕНС и АГЕНС женского пола. Для выражения последнего существовали специальные словообразовательные модели: N1+estr(e)→N2 и V+estr(e)→N. Кроме того, в целом характерно было осмысление только человека как агенса. Однако процесс расширения категории производителя действия за счет включения в нее инструментов и приспособлений, «самостоятельно» совершающих какие-то операции, уже начинается в рассматриваемый период.

Сравнение результатов ономаσιологического и когнитивного анализа производных древнеанглийского языка с материалом современного языка проводится с использованием данных, полученных в работах Е.М. Поздняковой и В.И. Шадрина. Охват материала у этих авторов и в данном исследовании различается. Е.М. Позднякова исследует только категорию производителя действия, включая в нее аффиксальные, конверсионные, сложные и сложнополовые слова [1; 4]. В.И. Шадрин исследует все производные имена с предметным значением (как одушевленные, так и неодушевленные), но ограничивается аффиксальными и сложнополовыми словами [5; 6]. Поэтому сравнение проводится только на пересечении материала.

В целом общая картина структур знаний, отраженных в словообразовательной системе древнеанглийского языка, принципиально не отличается от таковой современного английского языка. В наименованиях лица в древний и в современный период преобладают агентивные и дескриптантные наименования – как в количественном, так и в структурном отношении. Роль пациенса представлена наименьшим количеством моделей и производных. Среди неодушевленных производных наименьшим количеством и структурным разнообразием характеризуются наименования объекта.

Обращаясь к различиям, необходимо отметить, что в древнеанглийском языке отсутствовали некоторые модели, существующие в современном языке. Так, категория производителя действия не включала модели со значением «сторонник теории, политического движения», например: N1+ist→N2 (*protectionist* «протекционист»), N1+ite→N2 (*Trotskyite* «троцкист»), N1+(ar)ian→N2 (*nothingarian* «человек, не верящий ни во что»), A+ist→N (*leftist* «левак») – что свидетельствует об отсутствии структуры знания типа AG–SUPPORT–OBJ и указывает на возникшую в средне- и раннеанглийском языке потребность в детализации представления о деятеле. Не включала эта категория и характеристику лица по месту действия AG–ACT–PLACE (*miner* «шахтер») и по времени действия AG–ACT–TIME (*full-timer* «рабочий, занятый полную рабочую неделю»).

В то же время древнеанглийский язык располагал исчезнувшими в последующие периоды моделями. Кроме уже названного словообразовательно закрепленного различения агенса мужского и женского пола, особенностью было словообразовательное различение агенса и пациенса в конверсионных моделях. В современном английском языке отглагольные производные образуются по конверсии только от основ инфинитива вне зависимости от семантики (*a sweep* «тот, кто подметает» AG–PRED, *a suspect* «тот, кого подозревают» PAT–PRED); в древнеанглийском имело место разделение агенсной модели – от основ инфинитива

(*hunta* «тот, кто охотится» от *huntian* «охотиться») и пациенсной – от основ причастия II (*afyreda* «тот, кого кастрировали; кастрат, евнух» от *afʹran* «кастрировать»).

Различия, выражающиеся в исчезновении одних моделей и появлении или частичном изменении других, не затрагивают принципов осмысления и наименования одушевленных и неодушевленных предметов. Единственным существенным различием является широта категории производителя действия в современном английском языке в противоположность ее ограниченности одушевленными существительными в древнеанглийском языке. Осмысление инструментов и механизмов как способных «самостоятельно» что-то делать намечается в древнеанглийском периоде и отражается, в том числе, в усилении концептуальной обобщенности суффикса *-er(e)*.

Некоторые исследователи полагают, что в древнеанглийском языке производные на *-er(e)* обозначали только людей, а значение неодушевленного предмета приобрели на более поздних этапах развития языка. Большинство древнеанглийских производных на *-er(e)* действительно имели значение лица-деятеля, выполняющего действие, которое обозначалось мотивирующей основой, или связанного по роду выполняемых действий с указанным в основе слова предметом. Но исследование материала показывает, что уже в древнеанглийском языке среди 183 конкретных производных на *-er(e)* присутствуют пять неодушевленных существительных: *punere* «пестик» (от *punian* «толочь, бить»), *scēāwere* «зеркало» и «сторожевая башня» (от *scēāwian* «смотреть, наблюдать, изучать, разведывать»), *stīpere* «подпорка, колонна» (от *stīpan* «возводить, воздвигать»), *wangere* «подушка» (от *wang* «щека»), *wīsere* «указатель» (от *wīsan* «указывать путь, направлять»). Таким образом, нельзя говорить, что значение древнеанглийского *-er(e)* ограничивалось только указанием на лицо. Необходимо, впрочем, сделать некоторые замечания относительно указанных неодушевленных существительных:

scēāwere «зеркало» и «сторожевая башня» и *stīpere* «подпорка, колонна» представляют собой глоссы, переводящие латинские слова и встречающиеся только в списках слов определенной тематики, что затрудняет анализ, поскольку они могли быть окказиональными кальками соответствующих латинских слов, а не отражать реально существующую древнеанглийскую модель;

- 1) только у *scēāwere* есть как значение лица («наблюдатель» и «шпион»), так и значение неодушевленного предмета («зеркало» и «сторожевая башня»), то есть только в одном случае можно предполагать действие механизма метафорического переноса;
- 2) *punere* и *wīsere* называют только неодушевленных производителей действия и не имеют значений лица-производителя соответствующего действия;
- 3) количество производных на *-er(e)* со значением неодушевленного предмета незначительно: пять слов из 183, что составляет менее 3 %.

Таким образом, необходимо признать, что в древнеанглийском языке производные на *-er(e)* в основном обозначали (в отличие от *-er* современного английского языка) одушевленных производителей действия. Тем не менее примеры неодушевленных существительных, образованных с помощью *-er(e)*, особенно не имеющих параллельных наименований лица (*punere*, *wīsere*), свидетельствуют о процессах изменения значения *-er(e)*, приведших к современному системному значению *-er* «дискретная сущность».

Предпосылки для такого процесса, очевидно, существовали и раньше. На это указывает существование суффикса *-ing/-ling*, обладавшего максимальной сочетаемостью, для которого было нерелевантно дифференцирование одушевленности ~ неодушевленности называемого предмета, который оформлял производные разнообразных семантических групп и мог отражать на поверхностном уровне практически любой семантический падеж.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Позднякова Е. М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук /Е.М. Позднякова. – М., 1999. – 318 с.
2. Кубрякова Е. С. Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков /Е.С. Кубрякова //Сопоставительное изучение славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 39-46.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира /Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 506 с.
4. Позднякова Е. М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (когнитивный аспект исследования) /Е.М. Позднякова. – М., Тамбов: Издательство ТГУ, 1999. – 110 с.
5. Шадрин В. И. Ономастиология производного имени в английском языке: учеб. пособие /В.И. Шадрин. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. – 144 с.
6. Шадрин В. И. Ономастиология производного имени в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук /В.И. Шадрин. – СПб., 1996. – 40 с.
7. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия /Е.С. Кубрякова //Вопросы языкознания. – 1974. – №5. – С. 64 – 76.

8. Иванова И.П. История английского языка: учебник. Хрестоматия. Словарь /И.П. Иванова, Л.П. Чахоян, Т.М. Беляева. – СПб: Лань, 1998. – 509 с.
9. Пушкарев Е. А. Роль семантики словообразовательного суффикса в формировании лексического значения производных слов: дис. ... канд. филол. наук /Е.А. Пушкарев. – СПб., 2000. – 161 с.
10. Богданов В. В. Структурно-семантическая организация предложения /В.В. Богданов. – Л.: Издательство ЛГУ, 1977. – 205 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источником материала исследования послужили словари Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collection of the late J. Bosworth. – London: Oxford University Press, 1954. – 1302 p.; Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary. Supplement. London: Oxford University Press, 1972. – 768 p. и Hall J. R. C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. – Cambridge: University Press, 1960. – 432 p.

² После анализа основных предлагаемых классификаций семантических падежей в работе был принят следующий набор падежей, наиболее удобный для целей данного исследования:

- 1) Агенс (AG) – активный, обычно одушевленный производитель действия, субъект действия (*ship-build-er, work-er*). Оговорка «обычно» отражает понимание агенса как прототипической категории, ядром которой является «человек, который осознанно делает что-то», на периферии же находятся сущности с неполным набором признаков агентивности (см. подробно [9]).
- 2) Пациенс (PAT) – одушевленный элемент ситуации действия, на который оно направлено (*interview-ee*).
- 3) Объект (OBJ) – неодушевленный аргумент, на который направлено действие или отношение (*wood-cutt-er, land-own-er*).
- 4) Результат (RES) – аргумент, обозначающий неодушевленный объект, отсутствовавший до действия и появившийся как его результат (*bread-bak-er, shoe-mak-er*).
- 5) Инструмент (INSTR) – аргумент, указывающий на орудие, инструмент производимого действия (*hammer-man, shovell-er*).
- 6) Средство (MEANS) – аргумент, называющий то, посредством чего осуществляется действие (*aquarell-ist*).
- 7) Дескриптант (DSCR) – одушевленный или неодушевленный актанта, описываемый по какому-либо непроцессуальному признаку, носитель свойства (*mad-man, shy-ster*).
- 8) Дескриптор (DSC) – одушевленный или неодушевленный актанта, называющий предмет, лицо или группу лиц, относительно которых описывается другой актанта (дескриптант) (*sword-fish*).
- 9) Инклюзивитив (INC) – аргумент, называющий социальное объединение, группу людей, в которую входит другой аргумент (*bands-man*).
- 10) Локатив (LOC) – аргумент, указывающий место (*town-dwell-er*).

Семантическая классификация предикатов может строиться на разных основаниях и может быть разной степени дробности. В данном исследовании принимается общепризнанное, хотя и достаточно условное, деление, разграничивающее действия, состояния, свойства и отношения (см., например, [10]).